

Joanna Kula
Wrocław

«Кавказская» лексика в рассказе Льва Толстого *Набег* как пример межкультурного диалога в русской литературе

Кавказ по причине своего географического и исторического положения оказывается на границе между Западом и Востоком. Полиэтничность и поликультурность этого региона изначально обуславливала необходимость общения друг с другом горских народов. С момента, когда Российская империя проявила свой интерес к Кавказу, изменилось не только его геополитическое положение, но также полилингвальная ситуация региона. С XVIII столетия политическую обстановку на Кавказе в основном определяли три больших игрока: Турция, Персия и Россия, которая путем завоеваний и мирных договоров поэтапно присоединяла к себе отдельные территории¹. Тем не менее, на протяжении всего XIX столетия Кавказ только становился частью пространства российской цивилизации. Начавшийся тогда двусторонний процесс включения кавказской культуры в русское наследие и применение русских культурных (в том числе литературных) традиций в общинах кавказских горцев, продолжается до наших дней.

Русскоязычное население появилось на Кавказе в середине XVI века, когда на Терек стали основываться первые казачьи поселения². Русский (и другие

---

¹ См. *Северный Кавказ в составе Российской империи*, ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич, Москва 2007; Я. Гордин, *Кавказская Атлантида. 300 лет войны*, Москва 2001. Кавказские народы пытались сохранить свой этнос, кое-кто путем борьбы за независимость (в основном народы Северного Кавказа, хотя и среди них находились «мирные горцы»), кое-кто надеясь на протекторат со стороны сильного соседа (грузины, армяне). Переломными событиями в геополитической судьбе региона в контексте его отношений с Российской империей можно назвать: Персидский поход Петра I (1722-1723); начало строения укреплений Азово-Моздокской линии (с 1777); русско-турецкие войны (1768-1774, 1787-1791); «Дружественный договор», оформивший протекторат России над Восточной Грузией (1783); присоединение Грузии к России (1801); начальный период Кавказской войны (1817-1864). Лев Толстой появился на Кавказе в самый разгар этой войны.

² Т. А. Невская, *Русские*, [в:] *Культура мира в традициях и обычаях народов Северного Кавказа*, Назрань 2013, с. 125.

славянские языки) дополнил своеобразную кавказскую «вавилонскую башню». Языковой состав Кавказа с древних времен интересовал путешественников (в том числе иностранцев), а позже профессиональных лингвистов, этнографов, культурологов, оставивших богатейшую литературу в русле данной тематики³. Почти все ученые предлагали свою классификацию языков региона, и создается впечатление, что количество языковых групп, отдельных языков и местных диалектов бесконечно умножается. Не подвергается никаким сомнениям тот факт, что на Кавказе встречаются не только языковые семьи, распространенные в других местностях (индоевропейская, алтайская, семитская), но и семьи коренных кавказских языков (абхазо-адыгская, картвельская, нахско-дагестанская). Иногда ближайшие соседи пользуются языками из разных языковых групп. Так, например, кабардинцы, говорящие на черкесском (один из языков северо-западной кавказской группы), обитают в непосредственном соседстве с балкарцами, пользующимися балкарским (один из тюркских языков). То же самое касается дагестанских народов. Дагестан отличается необычайной языковой дробностью. По разным подсчетам общее количество употребляемых в Дагестане языков достигает нескольких десятков.

Таким образом вплоть до сегодняшнего дня русский язык (и литература) выполняет роль посредника в сфере поликультурной коммуникации на Кавказе. Русский язык является повседневным средством общения как среди русских жителей региона, так и среди представителей кавказских народов. Можно предположить, что сегодня почти все жители юга России являются носителями русского языка, роль которого, как единственного средства коммуникации между представителями разных народов, невозможно переоценить. Необходимо заметить, что просветительская политика царских властей, несмотря на кровавую Кавказскую войну, и даже вопреки ей, способствовала постепенной ликвидации неграмотности, популяризации образования и возникновению первого поколения кавказской интеллигенции⁴. В распространении русского языка на Кавказе велика роль учителей, деятелей культуры и, наконец, русских писателей.

Русским писателям, чья судьба связала с Кавказом в XIX веке, пришлось выполнять разные роли. С одной стороны, они были хорошим инструментом, который власть могла использовать для распространения империльной пропаганды и расширения русского влияния на Кавказе. С другой

---

³ См. *Кавказ: Европейские дневники XIII-XVIII веков*, вып. III, сост. В. Аталиков, Нальчик 2010; А. Бальби, *О языках страны Кавказской*, [в:] *Кавказ: Племена, нравы, язык*, вып. VIII, Нальчик 2011, с. 19-30; см. другие этнографические труды И. Бларамберга, Ю. Клапрота, Э. Спенсера, Г. Радде, Е. Маркова и других.

⁴ М. С. Коршунов, *Избранные работы по истории просвещения на Северном Кавказе*, Ставрополь 2013.

стороны, многие из них сами оказались на Кавказе как «опальные» и, хотя воевали в русской армии, но редко поддерживали официальную политику властей. Более того, деятельность русских писателей XIX века способствовала популяризации культуры и традиций Кавказа среди образованной части общества всей Российской империи. Литературные произведения на кавказскую тематику вызвали у русских большой интерес к этому «собственному» Востоку. В эпоху романтизма Кавказ интересовал читателя не как поле военных действий, а именно как «собственная», «внутренняя», «своя» и одновременно «чужая», «экзотическая» территория. Вопросом этого двойственного восприятия пространства Кавказа (которое существует по сей день) занимались многие ученые, в том числе Луция Скотница⁵. Неоспорим тот факт, что Кавказ вошел в сознание русского читателя вместе с произведениями Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Александра Бестужева-Марлинского.

В творчестве Льва Толстого (1828-1910) кавказская тематика достигла вершин реалистического изображения. Правильно отмечает польский ученый Антони Семчук, что Толстой попытался преодолеть «кавказский батальный жанр в духе романтизма», а при написании своих рассказов в первую очередь учитывал их восприятие своим читателем. Толстой первым подорвал романтическую картину Кавказа и его героев, сформированную «мулла-нурами, аммалат-беками и героями нашего времени»⁶. Писатель приехал на Кавказ в 1851 году, будучи двадцатитрехлетним человеком, и пробыл там почти три года. Мотивация этой экспедиции по сей день остается до конца невыясненной. Как утверждал Евгений Соловьев, один из первых биографов Толстого, в 1851 году писатель сильно проигрался в карты. И вскоре пришло осознание, что при такой жизни ему никогда не расплатиться с долгами. По мнению Соловьева, именно долговые обязательства явились одной из причин, побудивших Льва Николаевича отправиться на Кавказ. Он ехал не для обязательной службы, а лишь для перемены места, для приобретения опыта, за новыми впечатлениями и, естественно, по экономическим причинам — объясняет биограф Толстого⁷. Вполне допустимы утверждения, что прямым толчком к поездке писателя на Кавказ стали рассказы его старшего брата Николая, служившего

---

⁵ См. Ł. Kusiak-Skotnicka, *Kaukaz – cudza przestrzeń jako własna w świadomości Rosjan pierwszej połowy XIX wieku*, [w:] *Swoje i cudze. Kategorie przestrzeni w literaturach i kulturach słowiańskich*, t. 2, *Słowiańszczyzna Wschodnia*, pod red. Cz. Andruszki, B. Zielińskiego, Poznań 2005; *Antynomie wartości na przełomie kultur. „Szkice Kaukazu” Aleksandra Biełstuzewa-Marlińskiego*, „Slavica Wratislaviensia” 2004, nr CXXXI, s. 7-17.

⁶ A. Semczuk, *Kaukaz w literaturze rosyjskiej (Puškin, Lermontow, Lew Tołstoj)*, [w:] *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich*, pod red. K. Galon-Kurkowej, T. Klimowicza, Wrocław 1997, s. 52.

⁷ Е. А. Соловьев, *Л. Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность*, [в:] Л. Н. Толстой, *Хаджи Мурат. Повести и рассказы*, Москва 2010, с. 667.

в это время офицером. Но какими бы ни были причины, толкнувшие писателя к принятию решения об этой рискованной экспедиции, кавказский период жизни Толстого оставил заметный отпечаток на его дальнейшей биографии и творчестве. Жена писателя, Софья Андреевна, любила повторять, что лучшие воспоминания его жизни принадлежали Кавказу, а сам Толстой в своем *Дневнике* писал:

То читал Гете, Лермонтова и Пушкина. Первого я плохо понимаю, да и не могу, как ни стараюсь, перестать видеть смешное (*du ridicule*) в немецком языке. Во втором я нашел начало *Измаил-Бей* весьма хорошим. Может быть, это показалось мне более потому, что я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно, хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода⁸.

Находясь на Кавказе, большую часть времени Толстой прожил в казачьей станице Старогладковской (Чечня). Тем не менее, ему удалось посетить почти все важные пункты как Северного Кавказа, так и Закавказья. Писатель несколько раз выезжал в Тифлис (Грузия), дважды лечился на кавказских водах в Пятигорске (Ставрополье), совершил путешествие на побережье Каспийского моря в Кизляр (Дагестан) и побывал во Владикавказе (совр. Северная Осетия).

Во время пребывания на Кавказе Толстой близко познакомился с бытом, устным народным творчеством и культурой горских народов. Необходимо подчеркнуть, что писатель не был равнодушен к проблеме общения горцев с русскими. Он отлично понимал, что общий язык — это первый шаг к взаимопониманию народов. Возможность услышать голоса противостоящих сторон, узнать разные мнения и переосмыслить происходящее — все это было для Толстого крайне важным, несмотря на военные действия, в которых он участвовал. Писатель наблюдал сложности, вытекающие из языкового непонимания, как со стороны славянского населения (казаков), так и со стороны кавказских горцев. Осознавая значение и увеличивающуюся роль русского языка на Кавказе, Толстой стремился понимать местные языки, которые были тесно связаны с окружающей его действительностью. Снисходительность в отношении культуры и языков горцев была ему чуждой, да и сам он стремился выучить кавказские языки. В его дневниковых записях среди других повседневных обязанностей несколько раз встречается «татарский язык», который писатель изучал еще в Казани. По мнению российского филолога Фаины Джаубаевой, изучение татарского языка доказывает, что Толстой постоянно

---

⁸ Л. Н. Толстой, *Избранные дневники 1847-1894*, <http://croquis.ru/798.html> (20.05.2014).

работал над самосовершенствованием, а его знания ярко проявлялись в текстах произведений кавказского цикла⁹. Будучи непосредственным участником военных событий, Толстой познакомился с обычаями кавказских народов, с правилами поведения в бою, с местными реалиями мирного повседневного быта. Автор *Хаджи-Мурата*, неоднократно вступая в прямой контакт с представителями горцев, начал использовать кавказские экзотизмы и этнонимы не только в своих художественных произведениях, но и в нарративах личного характера – *Дневнике* и письмах¹⁰. Со временем в рассказах Толстого «кавказская» лексика стала занимать свое особое место наряду с русским литературным языком.

Целый ряд художественных произведений Толстого отображает разнообразный и поликультурный мир Кавказа. Лексика, употребляемая писателем в кавказских рассказах и повестях (*Набег* 1853; *Рубка леса* 1855; *Казаки* 1863; *Кавказский пленник* 1872; *Хаджи-Мурат* 1912), иллюстрирует межэтническую картину мира в сложный период Кавказской войны. Толстой, включив в свои произведения специфическую кавказскую терминологию, открывал перед русским читателем новые просторы культурного и бытового пространства Кавказа. Этот мир был малоизвестен русскоязычной публике и, уж точно, совершенно чужд ее привычной повседневности. Смутные представления о Кавказе, закрепленные в сознании общества европейской части Российской империи, соответствующие духу романтизма, не могли в полной мере отражать кавказскую реальность. Толстой открывал перед европейскими русскими живой мир. Так творчество автора *Казаков* способствовало «освоению» и «присвоению» русскими незнакомого им цивилизационного пространства. Одновременно Толстой русским словом покорял жителей Кавказа. Литературная деятельность русского писателя в какой-то степени опровергала имперскую идею о военных действиях как единственном пути завоевания Кавказа. Лев Николаевич завоевывал его словом. Итак, будучи представителем русского языка и культуры на Кавказе, он, в то же время, являлся «послом» культуры кавказских народов в России.

Вскоре после прибытия на Кавказ молодой писатель принял участие в пятидневной боевой экспедиции российских войск в Чечне. По разрешению генерала Александра Барятинского, командующего левым флангом Кавказской линии, Лев Николаевич сопровождал его отряд в качестве добровольца, т. е. волонтера (так называли тогда людей, поступающих на военную службу по

---

⁹ Ф. И. Джаубаева, *Языкотворчество русских писателей как мирозадающая деятельность на Северном Кавказе*. А. А. Бестужев-Марлинский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, Ставрополь 2010, с. 322.

¹⁰ О влиянии Кавказа на формирование языка дневниковых записей и писем Л. Н. Толстого см. Ф. И. Джаубаева, *Языкотворчество русских писателей...*, с. 308-366.

собственному желанию). Эпизод этого этапа Кавказской войны (1851), свидетелем и участником которого был сам автор, стал сюжетной основой рассказа *Набег*¹¹ (рабочее название *Письмо с Кавказа*; впервые опубликован в журнале «Современник» 1853, № 3). События, о которых идет речь, относятся рассказчиком к сороковым годам XIX века. Повествователь умело избегает конкретных топонимов, обозначая разные места как «маленькая крепость N», «крепость NN» и т. д. Этот рассказ (имеющий подзаголовок *Рассказ волонтера*) является первым из цикла кавказских произведений Толстого. Против именованная их «военными» в читательском и литературоведческом обиходе выступает Джаубаева:

В действительности эти рассказы, посвященные теме войны, по своему главному идейному смыслу, в первую очередь и в особенности это касается *Набега*, являются сугубо и до конца антивоенными произведениями¹².

Для подтверждения своей точки зрения Джаубаева приводит пятигорскую запись Толстого, в которой речь о том, что писатель намерен изложить в своем будущем романе «зло правления русского». По мнению российской ученой,

ключевыми лексемами в данной записи являются ‘зло’ и ‘правление’, которые отображают отношение русского писателя к политике властей¹³.

Хотя позиция Толстого к насильственному покорению Кавказа, на наш взгляд, не была уж так однозначно антивоенной¹⁴, как это представляет Джаубаева, но неоспорим факт, что Толстой не исключал другого, мирного пути. Открытость писателя проявлялась в его увлечении кавказским фольклором, личной дружбе с горцами и, главное, литературной деятельностью. В рассказе *Набег* писатель впервые употребил целый ряд терминов, относящихся к быту, культуре, обычаям и одежде горских народов, что подтверждает его желание «освоить» кавказский мир с его культурой и языком.

Важное место в изучаемом произведении Толстого занимает портрет героя. При помощи определенных языковых средств автор создает яркие и запоминающиеся образы. Создается субъективная картина, так как повествование в рассказе *Набег* ведется от первого лица, молодого волонтера, который яв-

---

¹¹ Н. В. Маркелов, *Кавказские силуэты. История Кавказа в лицах*, Пятигорск 2008, с. 226.

¹² Ф. И. Джаубаева, *Языкотворчество русских писателей...*, с. 340.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Об отношении Толстого и других писателей к завоеванию Кавказа см. Е. М. Thomson, *Trubadurzy Imperium. Literatura rosyjska i kolonializm*, przeł. A. Sierszulska, Kraków 1999.

ляется участником описываемых им событий. Рассказчик намеренно заостряет внимание на некоторых персонажах, при этом пристально рассматривая не горцев, а русских, и подробно обсуждая кавказские атрибуты во внешнем виде последних. Действительно, несмотря на напряженные отношения, между горцами и казаками продолжалось взаимовлияние, что являлось феноменом Кавказской войны. Большое внимание герой-рассказчик уделяет, например, капитану Хлопову.

На нем были старый, истертый сюртук без эполет, **лезгинские широкие штаны, белая папашка с опустившимся пожелтевшим курпеем**, и незавидная **азиатская шашконка** через плечо, самой жалкой наружности, одна из тех шашек, которые можно видеть только у бедных офицеров и у переселенных хохлов, обзаводящихся оружием (...) Капитан казался задумчивее обыкновенного, не выпускал изо рта **дагестанскую трубочку**...¹⁵.

Из всего описания внешнего вида капитана, в котором встречаются непривычные русским реалиям слова, Толстой в примечаниях к рассказу объясняет только слово «курпей», обозначавшее на кавказском наречии овчину (с. 13). Остальные слова, то ли относящиеся к этнонимам («лезгинский», «дагестанский»), то ли к другим названиям («папах», «шашка» - здесь в уменьшительной форме с ироническим оттенком: «папашка», «шашконка»), автор оставляет без какого-либо комментария.

Весьма колоритно, и еще более насыщено кавказской лексикой, описание внешнего вида русского офицера Розенкранца. Этот персонаж создан в подражание романтическим героям, но, по мнению Семчука, автор беспощадно его высмеивает¹⁶. И, на самом деле, портрет Розенкранца насыщен иронией:

Сажень сто впереди пехоты на большом белом коне, с конными татарами, ехал известный в полку за отчаянного храбреца и такого человека, *который хоть кому правду в глаза отрежет*, высокий и красивый офицер в азиатской одежде. На нем был **черный бешмет** с галунами, такие же ноговицы, новые, плотно обтягивающие ногу **чувяки с чиразами, желтая черкеска и высокая, заломленная назад папах**. На груди и спине его лежали серебряные галуны, на которых надеты были натруска и пистолет за спиной; другой пистолет и **кинжал** в серебряной оправе висели на поясе. Сверх всего этого была опоясана **шашка** в красных сафьянных ножках с галунами и надета через плечо вин-

---

¹⁵ Л. Н. Толстой, *Набег*, [в:] его же, *Хаджи Мурат*..., с. 13-14. Все цитаты из рассказа *Набег* по этому изданию. В скобках указывается номер страницы. Текст выделен жирным шрифтом автором статьи. Й. К.

¹⁶ А. Semczuk, *Kaukaz w literaturze*..., s. 52.

товка в черном чехле. По его одежде, посадке, манере держаться и вообще по всем движениям заметно было, что он старается быть похожим на татарина. Он даже говорил что-то на неизвестном мне языке татарам, которые ехали с ним, но по недоумевающим, насмешливым взглядам, которые бросали эти последние друг на друга, мне показалось, что они не понимают его. Это был один из наших молодых офицеров, удалцов-джигитов, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму «героев нашего времени», Мулла-Нуров и т. п., и во всех своих действиях руководствуются не собственными наклонностями, а примером этих образцов (...) Он никогда не снимал с себя двух вещей: огромного образа на шее и кинжала сверх рубашки, с которым он даже спать ложился. (с. 17-18)

Эта объемная цитата хорошо иллюстрирует стереотипное восприятие Кавказа Розенкранцем, свойственное многим русским офицерам. Его увлечение романтической кавказской картиной, представленной в произведениях Марлинского, Пушкина, Лермонтова, гротескно. Между прочим, Толстой помещает своего героя в интертекстуальный контекст, намекая на то, что его герой был знаком с произведениями литературы, и что примером для подражания Розенкранцу послужили литературные персонажи.

У Толстого описание внешнего вида героя, его одежды, оружия, привычек поведения - все подчинено основной цели, т. е. раскрытию внутреннего и внешнего мира коренных жителей Кавказа и тех жителей европейской России, кто оказался на Кавказе вследствие военных действий.

Интересно, что из целого ряда терминов, использованных писателем в приведенном выше фрагменте текста *Набега*, в примечаниях Толстой объясняет лишь слово «чиразы», обозначавшее на кавказском наречии галуны (с. 17). Но, к примеру, не разъясняет оригинального названия типичной кавказской обуви - «чувяков»¹⁷. Конечно, можно предположить, что некоторые из терминов, обозначающих кавказскую одежду и оружие, были уже известны русскому читателю. Кстати, большинство из них впоследствии было включено в *Толковый словарь живого великорусского языка* (первое издание 1863-1866 гг.) Владимира Даля. И, главное, все они навсегда вошли в русский литературный язык. Таким образом, «кавказская» лексика обогатила русский язык, а со временем некоторые выражения полностью с ним ассимилировались.

¹⁷ «Кавказская мягкая кожаная обувь без каблуков». С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*. Москва 2000, с. 888. Об элементах традиционного костюма горцев см. *Кавказские мастера. Костюм горца*, [в:] *Обычаи и традиции общения в культуре народов Кавказа*, отв. ред.-сост. Ю. А. Горячев, Москва 2010, с. 182-205.

Слова, выделенные в вышеуказанном отрывке рассказа, фиксируются в большом *Словаре современного русского литературного языка*¹⁸. Особо значителен тот факт, что словарные дефиниции в нем сопровождаются цитатами из текстов Лермонтова, Пушкина и того же Толстого. Произведения русских авторов XIX в. — это первые источники появления этих слов не только в русском языке, но и в сознании жителей России. Так в современный русский литературный язык вошли следующие названия элементов кавказской одежды и оружия:

Бешмет — «Род недлинной обтяжной одежды; полукафтан, поддевка (носятся некоторыми восточными народами и казаками под верхней одеждой)» (1950, т. 1, с. 447). Слово встречается (как в отношении мужской, так и женской одежды), например, в *Герое нашего времени* М. Лермонтова.

Черкеска — «У черкесов и других кавказских горцев (а также у кубанских и терских казаков и др.) — верхняя, надеваемая на бешмет, узкая и длинная мужская одежда, затянутая в талии, с газырями на груди» (1965, т. 17, с. 886). Слово встречается, например, в стихотворении М. Лермонтова *Валерик* или повести Л. Толстого *Хаджи-Мурат*. Стоит отметить, что «черкеска» в этом словаре (несмотря на этимологию слова явно связанную с этнонимом «черкес») обозначает также одежду казаков. Действительно, черкеску и другие атрибуты кавказской одежды в дальнейшем можно воспринимать как «народную» одежду казаков, хотя, несомненно, она была заимствована у горцев.

Папаха — «Высокая меховая шапка, обычно с суконным верхом» (1959, т. 9, с. 130). Слово «папаха» было заимствовано и включено в русский язык из тюркского под влиянием близкого ему по значению слова «шапка»¹⁹. Однако, нельзя быть уверенным в том, что слово «папаха» получило бы широкое распространение, не найдись оно в связи с кавказской реальностью, которая постепенно становилась частью российской цивилизации.

Кинжал — «Холодное оружие в виде обоюдоострого клинка с суживающимся концом» (1956, т. 5, с. 846). Как отмечают авторы словаря, встречается, например, у А. Пушкина в *Бахчисарайском фонтане* и *Кавказском пленнике*.

Шашка — «Рубящее и колющее холодное оружие с длинным, слегка изогнутым клинком (имеющее в отличие от сабли не металлические, а кожаные ножны)» (1965, т. 17, с. 1311). Авторы словаря ссылаются на примеры из *Путешествия в Арзрум* А. Пушкина и *Хаджи-Мурата* Л. Толстого²⁰.

---

¹⁸ *Словарь современного русского литературного языка*, Москва-Ленинград 1950 (т. 1-й А-Б) — 1965 (т. 17-й Х-Я). Все дефиниции по этому изданию, в скобках указываются: год выпуска тома, номер тома и номер страницы. Й.К.

¹⁹ Н. М. Шапский, В. В. Иванов, Т. В. Шапская, *Краткий этимологический словарь русского языка*. Издание 2-е и дополнительное, Москва 1971, с. 325.

²⁰ См. Авторы *Краткого этимологического словаря русского языка* объясняют происхождение слова «шашка», означающего саблю, как заимствование из черкесского языка (балкар-

Важным элементом одежды горцев, который часто встречается в рассказах Толстого как атрибут внешнего вида многих его героев, является бурка. И, действительно, она необходимая часть костюма у всех кавказских горцев.

Бурка — «Род войлочного плотного мохнатого плаща» (1950, т. 1, с. 698). К словарной дефиниции добавлен фрагмент письма Петру Вяземскому от 14 октября 1823 авторства А. Пушкина: «Бурка не протекает, и влажна только сверху, следовательно можно спать под нею, когда нечем другим покрыться, а сушить нет надобности» (1950, т. 1, с. 698). Трудно не согласиться с мнением Пушкина и его наблюдениями относительно многофункциональности бурки. С давних времен бурка исполняла роль не только верхней одежды, одеяла или палатки, но и применялась в разных, даже самых шокирующих ритуальных обрядах²¹. В XIX веке о преимуществах бурки и всевозможных вариантах ее использования знали не только горцы, но и русские офицеры (в том числе герои рассказа *Набег*). Позировать в бурках любили и писатели. Сохранились портреты многих из них, например, Лермонтова, Толстого и даже Адама Мицкевича. Слово «бурка», по-видимому, было заимствовано из персидского посредством кавказских языков, а в русском языке народно-этимологически было сближено со словом «бурый»²².

Помимо терминов, означающих оружие и части традиционной кавказской одежды, Толстой употребляет множество других иностранных слов, относящихся к кавказской действительности. Некоторые из них он вполне мог заменить аналогичными русскими словами, однако писатель предпочел насытить свой рассказ точными названиями, непосредственно связанными с кавказской реальностью. Лишь отдельным терминам он уделяет внимание в своих примечаниях к тексту рассказа:

«**Маштак** на кавказском наречии значит небольшая лошадь» (с. 13);

«**Балка** — на кавказском наречии овраг, ущелье» (с. 13);

«**Таяк** значит шест, на кавказском наречии» (с. 32);

«**Томаша** значит хлопоты, на особенном наречии, изобретенном русскими и татарами для разговора между собой. Есть много слов на этом стран-

---

ского). Причем можно их упрекать в небрежности, так как черкесский язык представляет собой кавказскую группу, в то время как балкарский - тюркский язык. Н. М. Шапский, В. В. Иванов, Т. В. Шапская, *Краткий этимологический словарь...*, с. 502.

²¹ По сведениям генуэзца Джорджо Интериано в XV веке на похоронах знатных черкесов устраивалось ритуальное жертвоприношение. Оно заключалось в том, что самый сильный юноша публично лишал девственности девушку 12 – 14 лет под своей буркой. См. Дж. Интериано, *О быте и обычаях черкесов*, пер. Н. А. Пенчко, [в:] *Европейские дневники XIII-XVIII веков*, Нальчик 2010, с. 30.

²² Н. М. Шапский, В. В. Иванов, Т. В. Шапская, *Краткий этимологический словарь...*, с. 63.

ном наречии, корень которых нет возможности отыскать ни в русском, ни в татарском языках» (с. 32);

«**Хурда-мурда** — пожитки, на том же наречии» (с. 32);

«**Йок** — по-татарски значит нет» (с. 33);

«**Дыча** — мелкая слива» (с. 39);

«**Кумган** — горшок» (с. 39.)

Толстой в своем рассказе иллюстрирует попытки русских и горцев создать общий язык и общаться на нем. Русские и горцы обмениваются фразами и отдельными словами, тем самым показывая не только желание понять друг друга, но и демонстрируя взаимное уважение. Горцы, искажающие русскую речь, и русские, пользующиеся несколькими знакомыми словами из кавказских наречий – это начало межэтнического диалога и пример взаимопроникновения разных культур в языковой сфере (заметим, что в дополнение к этой межъязыковой смеси руководство российской армии часто оснащало свою речь французскими фразами). Горцы и казаки перенимали друг у друга элементы одежды, быта, языка и фольклора.

Особое внимание необходимо уделить понятию «кунак», которое Толстой объясняет в примечаниях как «приятель, друг на кавказском наречии» (с. 18). Столь краткий и сдержанный перевод, разумеется, не способен передать весь смысл, который вкладывается в понятие «кунак» в кавказской культуре.

Кунак — «У кавказских горцев — друг, приятель; тот, кто связан с кем либо обязательством взаимной защиты, гостеприимства» (1956, т. 5, с. 1839). Приводится литературный пример из *Хаджи-Мурата* Л. Толстого. Слово происходит из тюркского языка (татарск. *кунак* - «гость»)²³.

Словарная дефиниция полностью не исчерпывает значения термина «кунак» и не вмещает в себя всех эмоций, связанных с «институцией» куначества, которая объединяет кунаков сильнее, чем родственников. Этот обычай, заключающийся в обязательстве взаимной дружбы, защиты и гостеприимства, известен и распространен у всех кавказских народов²⁴. «Гостеприимство и куначество как регуляторы мирных отношений», - пишет Мадина Текуева²⁵. В отношениях между черкесами и казаками куначество выступало как своеобразный обычай кавказского побратимства. Оно разрушало межэтнические границы непонимания и неприятия, устанавливалось между представителями разных народов и часто поддерживалось несколькими поколениями²⁶.

---

²³ Н. М. Шапский, В. В. Иванов, Т. В. Шапская, *Краткий этимологический словарь...*, с. 227.

²⁴ См. *Традиции гостеприимства и куначества*, [в:] *Обычаи и традиции...*, с. 76-95.

²⁵ М. А. Текуева, *Кабардинцы*, [в:] *Культура мира...*, с. 13-14.

²⁶ *Ibidem*, s. 14-15.

Стоит отметить, что Толстой подружился с молодым чеченцем по имени Садо и неоднократно упоминал имя своего кунака в письмах к Татьяне Александровне Ергольской, где описывал примеры трогательной преданности Садо. Тот подарил писателю шашку, а по кавказским обычаям, горцы никогда не расставались со своим оружием. Шашку или коня можно было отдать только самому близкому другу.

В рассказе *Набег* подробно описывается история обретения кунака из немирных чеченцев поручиком Розенкранцем. Процесс лечения и ухаживания за взятым в плен и раненым чеченцем оказался началом куначества между Розенкранцем и пленным. Вторая встреча кунаков произошла во время одной из военных экспедиций. Тогда освобожденному из плена чеченцу представилась возможность исполнить свой долг кунака и спасти жизнь поручика Розенкранца. Встреча кунаков завершилась рукопожатием в молчаливом присутствии остальных горцев. Но стоило поручику развернуть коня, как несколько чеченцев выстрелили, нанеся ему тяжелые ранения. Данная ситуация продемонстрировала безусловное уважение к обычаю куначества и, вместе с тем, подтвердила, что у войны на Кавказе есть свои правила.

Помимо обычая куначества в рассказе Толстого говорится о праве на кровную месть и даже об обязанности смывать кровью обиду. Этот обычай укоренился в горских адатах, т. е. в обычном праве²⁷.

В рассказе *Набег* русские офицеры, кроме соблазнения черкешенок, пения песен и исполнения танцев в ритм лезгинки (в чем опять наблюдаем взаимовлияние культур и пересечение элементов фольклора), занимаются также другими развлечениями.

Офицеры верхами ехали впереди: ныне, как говорится на Кавказе, **джигитовали**, то есть, ударяя плетью по лошади, заставляли ее сделать прыжка четыре и круто останавливались, оборачивая назад голову. (с. 16)

В примечаниях писатель объясняет, что означает слово «джигит»:

«**Джигит** — по-кумыцки значит храбрый; переделанное же на русский лад *джигитовать* соответствует слову *храбриться*». (с. 16)

Джигит — «Смелый лихой наездник; удалец (у кавказских горцев, казаков и др.) (1954, т. 3, с. 765). Встречается у Л. Толстого в *Кавказском пленнике*; у М. Лермонтова в произведении *Измаил Бей*. Умелая джигитовка — гордость и обязанность кавказского всадника. Искусство владеть своей лошадью являлось основным занятием кавказского мальчика с самого раннего возраста.

---

²⁷ См. Ф. И. Леонтович, *Кавказ: Алаты горских народов*, вып. IV, Нальчик 2010.

Каждый горец должен в будущем быть настоящим джигитом (из тюркского языка «искусным наездником»).

Все вышеуказанные «кавказские» слова в рассказе Толстого употреблялись им как в отношении горцев, так и в отношении русских, находившихся на Кавказе. И те, и другие одевались по кавказским традициям, называли друзей кунаками, занимались джигитовкой и танцевали лезгинку. Слова, которые действительно принадлежали миру коренных жителей Кавказа, относились либо к кавказскому общественному строю, либо были связаны с религией. Толстой сдержанно затрагивает эти вопросы. В рассказе вскользь упоминается система управления у горцев: особенности родовых связей, структура правления аулом и всей горской общиной имамата под руководством Шамиля. Также неубедительными оказались попытки Толстого объяснить специфику социально-политического строя горцев:

«**Наибами** называют людей, которым вверена от Шамиля какая-нибудь часть управления». (с. 33)

«Слово «**мюрид**» имеет много значений, но в том смысле, в котором употребляю здесь, значит что-то среднее между адъютантом и телохранителем». (с. 33)

Кажется, что писатель сам понимает обобщенность и относительную содержательность приведенных им разъяснений. Объективно можно понять некое смущение автора, тем более что употребление именно «кавказской» лексики в данном случае необходимо. Только заимствованные из других языков слова могли определить ту реальность, которую еще не охватывал русский мир.

Не вполне можно согласиться с тезисом некоторых ученых о том, что творчество русских писателей имело однозначно миротворческий характер²⁸. Ведь кавказские рассказы романтиков, а потом и самого Толстого говорят о войне. Естественно, точка зрения автора *Хаджи-Мурата* довольно объективна и справедлива, а сам писатель был далек от представления о Кавказской войне лишь в черно-белых красках. Его участие в настоящих военных действиях можно воспринимать по-разному, как и его творчество. По мнению автора статьи, литературная деятельность Толстого это не столько миротворческая служба, сколько межкультурный демократический диалог. Как многократно показано выше, Толстой включает в свой нарратив множество «кавказских» слов. Из этого следует бесспорный факт, что писатель объединяет оба мира – русский и кавказский и, тем самым, дает право голоса всем сторонам конфликта.

Работая над первыми кавказскими рассказами, Толстой много размышлял о войне с горцами, пытаясь понять, на чей же стороне справедливость. Так

---

²⁸ См. Ф. И. Джаубаева, *Языкотворчество русских писателей...* .

же, как и герой-рассказчик в *Набеге*, он пришел к выводу, что русские и горцы действовали из чувства самосохранения и исторической необходимости. В итоге оказалось, что справедливости в этой войне и не было или, говоря другими словами, справедливость была как на стороне горцев, так и на стороне русских. Толстой в своем рассказе пытался показать всю сложность этого мира и утвердить право на существование любой нации и любой культуры.

Неужели тесно жить на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? — задает риторический вопрос неизвестно кому молодой волонтер. — Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных? Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой, этим непосредственным выражением красоты и добра.

Война? Какое непонятное явление! Когда рассудок задает себе вопрос: справедливо ли, необходимо ли оно? Внутренний голос всегда отвечает: нет. Одно постоянство этого неестественного явления делает его естественным, а чувство самосохранения — справедливым. (с. 29-30)

Лингвистические выборы Толстого выполняли не только просветительскую миссию, но и, в какой-то степени, миссию обучения толерантности и открытости для «чужого». Эта роль русской классики XIX века остается актуальной и в XXI веке. Широкая известность таких писателей как Лев Николаевич Толстой также в настоящее время способствует укреплению межэтнического взаимопонимания. Коренные народы Кавказа привыкли называть русского писателя «нашим писателем», «нашим кунаком».

В статье доказано, что совмещение русского литературного языка и иноязычных слов в произведениях классика реализма содействовало широкому их распространению и способствовало пониманию лексики, связанной с кавказской реальностью, а в дальнейшем — ее включению в словарь современного русского литературного языка. Русская классическая литература, включившая в себя «другие» лингвоэтнические элементы, воплотила идею о литературной деятельности как примере межкультурного диалога.

SUMMARY

‘Cacasian’ lexis in a Leo Tolstoy’s Story *Raid* as an Example of intercultural Dialogue in Russian Literature

Russian language and literature serve as a mediator in multicultural communication in the Caucasus. Today Russian language is an everyday means of communication among both Russian and indigenous Caucasian peoples. A principal role in the spread of Russian language in the Caucasus has been embraced by teachers, educators, artists and, finally, Russian writers. At the same time their activities in the 19th century greatly contributed to the spread of the Caucasian culture in the high society of the European part of the Russian Empire.

The main objective of this article is to analyze a short story by Leo Tolstoy, *Raid*, in terms of the significance of the vocabulary used there. The article presents some groups of words related to the cultural tradition, customs and ordinary life of the Caucasian peoples. The selected ‘Caucasian’ vocabulary includes names of clothes (i.e. *burka*, *chogha*, *papakha*), white weapon (i.e. *dagger*, *shashka*) and people (e.i. *kunak*, *murid*, *naib*). A number of examples illustrating the profusion of ‘Caucasian’ vocabulary in Tolstoy’s story have been quoted above. In the main part of the text several dictionary definitions (including the meaning, etymology, and use in fiction) of the ‘Caucasian’ terms have been provided, too. In the final part, the author draws some conclusions seeking to generalize the problem of combining the various groups of lexical items and different cultural and linguistic worlds in one literary piece of work.

The author seems to have proved successfully that the combination of Russian literary language and foreign ‘Caucasian’ vocabulary in the works of Realism helps the readers to better understand the reality of the Caucasus. Additionally, this practice has lead to the inclusion of ‘Caucasian’ lexis in the dictionary of the modern Russian literary language.